

В гостях у Марии Гамбарян

Я испытала особый трепет и внутреннее волнение, когда переступила порог дома известной пианистки, где интеллектуальная элита собралась на музыкальный вечер. Предвкушение встречи с прекрасным, знакомства с чем-то новым, неведомым не покидало меня, и я не ошиблась.

Гостей было немного, но с самого начала чувствовалась атмосфера особой доброжелательности, желания пообщаться, обменяться взглядами на искусство, насладиться музыкой и беседой.

В тот вечер звучали и сольное пение, и чтение своих стихов самими авторами, гостями вечера, и, конечно же, прекрасная музыка Шопена, Глинки, Скрябина, Комитаса в исполнении хозяйки вечера.

Мне удалось ненадолго увести хозяйку от гостей и задать ей несколько вопросов.

– **Мария Степановна, то, что мы услышали сегодня в вашем исполнении, было великолепно. Расскажите, пожалуйста, как началось ваше увлечение музыкой?**

– Не так рано, как у других музыкантов. Мое детство пришлось на период ранней стадии советизации, мои мама и папа были заняты наукой. Отец создал политехнический университет в Ереване – тогда в Армению съехалось много профессуры, ученых из разных стран. Всех их объединяли общие чувства – энтузиазм и патриотизм. Как-то все собрались за обедом в ресторане, мне было четыре года, и я вдруг по памяти пропела целиком романс Рахманинова, все были тронуты. Во втором классе заметили мои способности и поняли, что меня надо серьезно учить музыке. Хотя мои родители были учеными, но в нашем доме всегда царил культ музыки.

В Ереване в то время не было серьезных педагогов, и мы решили попробовать сдать экзамены в московскую музыкальную школу. В Москве после первого прослушивания меня сразу же приняли в школу, так я с 10 лет и стала серьезно заниматься музыкой.

– **Какое событие в Вашей жизни было самым значительным?**

– После 1937 года почти вся профессура в Армении была репрессирована. В тот год мы с мамой отдыхали в Подмосковье, когда пришла телеграмма от бабушки, что отца арестовали и нам нельзя возвращаться в Армению. Отцу предъявили совершенно вздорные обвинения, и почти семь лет он провел в лагерях.

Все это оказало негативное влияние на мою дальнейшую судьбу. Из-за того, что отец был репрессирован, меня долго нигде не пускали, ни на какие конкурсы у себя в стране, не говоря уже о загранице. Мне нельзя было мечтать о сольных концертах – всегда в резерве.

В марте 1948 года умер мой отец, а через две недели скончался профессор Игумнов – мой куратор и педагог. Мне надо было находить силы и выходить из глубокой депрессии. До окончания аспирантуры мне оставалось 5-6 месяцев, когда я прочла в газете, что Ленинградская филармония объявляет конкурс на вакантное место солиста. Я решила попробовать свои силы, подала документы и, к моему удивлению, прошла. Там уже не смотрели так строго на мою анкету, это были 50-е годы. Приехала в Ленинград. Он меня пленил своей архитектурой, набережными, мостами. Играла на большом подьеме и была принята первым номером.

– **Кто был Вашими учителями?**

– Консерваторию я окончила под руководством профессора Мильштейна, который был ассистентом Константина Николаевича Игумнова. После окончания консерватории поступила в аспирантуру к Г. Г. Нейгаузу. К счастью, в Ленинграде меня окружали замечательные, талантливые, мыслящие музыканты. Наиболее значительное влияние

Мария Гамбарян – заслуженная артистка России, профессор Российской Академии музыки имени Гнесиных, считается одной из лучших исполнителей и интерпретаторов музыки Шопена. По мнению коллег, она имеет свой почерк, свое лицо, является гордостью лучшей пианистической школы. Продолжая старые добрые традиции, переданные ей бабушкой, княжной Ниной Бейбутовой, Мария Гамбарян проводит у себя дома музыкальные салоны.

Фото: Ульяна КИМ/Великая Эпоха

Музыканты особо выделяют глубокий, ясный, поэтичный «гамбаряновский» звук

на мое творчество оказал Владимир Владимирович Нильсен, который был моим консультантом. Он научил меня не только понимать, но и чувствовать музыку. Нильсен был музыкантом, сочетающим в себе эмоциональное начало с рациональным. Он умел хорошо, детально все объяснить, но одновременно и вдохнуть жизнь в музыку. Потом я встретила профессора Гнесинской Академии Иохелеса. Он пригласил меня на работу, и я сразу же согласилась. Так я вернулась в Москву через 8 лет.

– **Какое влияние оказала музыка на Вашу личную жизнь?**

– Я вышла замуж за Владимира Волькенштейна, драматурга, теоретика драматургии. Он был очень интересным человеком, намного старше меня – это был такой творческий союз. Мы часто приглашали к себе молодежь, он читал свои пьесы, я музицировала. Он дружил с Цветаевой, с Ахматовой, но когда я с ним познакомилась, их уже не было в живых. Он много рассказывал мне о них, о Станиславском, о постановках Мейерхольда, я очень лю-

била все это слушать. Меня иногда спрашивали: «А как вы с ним живете?» Я всегда отвечала: «Весело!» Мы весело проводили время, так радостно было дарить друг другу часть своей души! Так хотелось о нем заботиться, оберегать его. Мы прожили вместе 13 лет, я очень трудно переживала его смерть. Но жизнь не стоит на месте, надо двигаться вперед, поэтому я продолжаю много работать.

– **Вы имеете в виду вашу работу в Российской Академии музыки имени Гнесиных?**

– Да. Сейчас все свое время я отдаю работе с молодежью. Я и Нана, моя ассистентка, вместе проводим много времени с молодыми музыкантами, совершаем совместные прогулки, даем совместные концерты. Я часто подбираю литературу, которую советую им читать. Стараемся воспитать всесторонне развитых, одухотворенных людей. Обсуждение жизненных вопросов, спектаклей и концертов идет на равных. Нана ведь работает на четверть ставки в Академии, но она три раза в неделю работает весь день, не считаясь со временем.

Ни один этап в моей жизни не был простым, не считая раннего детства. Мой путь в искусстве был непрост, а порой и мучителен. У меня не было легких путей. Во времена моей молодости без лауреатства невозможно было пробиться к концертной деятельности. А чтобы стать лауреатом, надо было пройти не только десять профессиональных кордонов, но и самый главный – политический. И если мне удавалось пройти профессиональные кордоны, то по политическим мотивам карьера для меня была закрыта. Ответ на вопрос «Это последствия репрессий отца?»: «Да, репрессии отца прочно закрывали все дороги».

– **Нужна ли сегодня людям серьезная,**

В тот вечер звучали и сольное пение, и чтение стихов, и, конечно же, прекрасная музыка

О МАРИИ ГАМБАРИАН...

«Мария Гамбарян – высокохудожественное явление в искусстве, удивительно цельное и гармоничное. Удивительна и соотносимость красоты в ней – внешней и внутренней. Ее духовный полет высок и свободен. Ее профиль – античная камея. В ее владении словом и роялем – изящество истинной аристократки. В игре – простота и безыскусность. В интерпретации – яркая индивидуальность, но без лукавства выдумки. В основе звучания рояля – пение, сродни, может быть, суровой строгости и в то же время естественной нежности песен горцев»

Игорь Гусельников

Журнал «Филармоник» № 6 за 2000 год

«Мария Гамбарян – высокоодаренная пианистка, обладающая тонким художественным вкусом, певучим звуком, артистическим темпераментом и великолепными виртуозными данными»

Лев Оборин

классическая музыка?

– В людях, прежде всего, надо развивать духовность. У нас в стране на государственном уровне все внимание уделяется спорту. Спортсменов видим и слышим, а музыкантов – никого не знаем, никто не освещает. Пока я могу, пока есть силы и здоровье, я буду служить прекрасному искусству, которое зовется музыкой.

С этими словами она протянула мне приглашенный билет на свой сольный концерт фортепианной музыки в концертном зале Российской Академии музыки имени Гнесиных.

Я смотрела в ее глаза, полные жизни. В них отражалась чистота ее души и открытость миру, готовность отдавать, радовать окружающих и радоваться вместе с ними.

Ульяна КИМ